

М. И. Байдуж¹

Институт общественных наук, Российская академия сельского хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УРБАНИСТИЧЕСКОГО И
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ДИСКУРСА В
ДЕМОНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ УКРАИНСКОГО
АНКЛАВА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ²**

Тексты и антропологические наблюдения, собранные в Еланско-терсянском анклав Самойловского района Саратовской области в ходе экспедиции 2014–2016 гг. под руководством Е. Е. Левкиевской, демонстрируют актуальные представления о магических специалистах.

Пластичность фольклора предполагает, что, сохраняя в основе некоторый инвариант, фольклорные тексты адаптируются к современным условиям и языку. Демонологические представления в изучаемом анклав соединяют в себе две группы мотивов. (1) Мифологические мотивы и модели конструирования функций и облика магического специалиста (главным образом восточнославянский комплекс мотивов, в том числе материнской украинской культуры и южнорусских соседей). (2) Сюжеты и мотивы, относящиеся к современному массово-популярному, урбанистическому или медийному дискурсу, вбирающему в себя разные мифологические представления от сибирского шаманизма до медийных, созданных внутри современной киноиндустрии (хоррор).

---

¹ Марина Иннокентьевна Байдуж – старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики, Школа актуальных гуманитарных исследований, Институт общественных наук, РАНХиГС при Президенте РФ; научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Москва)

² Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ (проект № 16-18-00068) «Мифология и ритуальное поведение в современном российском городе».

Наиболее устойчива акциональная характеристика демонологических персонажей. Визуальный образ их вариативен, но «пучок свойств, закрепленных за ним[и] в традиции», устойчив [Левкиевская, 2002]. Так за магическими специалистами в изучаемом сообществе сохраняется устойчивый набор функций *ведьмы*: гадать и предсказывать; привораживать; лечить; «делать на смерть»; отбирать молоко; оборачиваться животными (свинья, кошка) или предметами (клубок, тряпочка). Кроме того, частым мотивом является «тяжелая смерть ведьмы». Но, несмотря на традиционность этих функций (своеобразная структура магического специалиста), нарративы фиксируют трансформацию магических представлений под влиянием медийного компонента.

1. Функции магического специалиста переосмысляются в русле представлений *как было* и *как стало*. Раньше сильные *колдухи* могли отбирать молоко у коров, оборачиваться животными и предметами, изводить людей до смерти. Последняя функция еще прослеживается как актуальная, но остальные встречаются исключительно в нарративах-воспоминаниях о прошлом или даже о прошлых рассказах (бабушки). А сейчас есть женщины (люди), которые могут гадать, привораживать, лечить людей и животных, и по-прежнему тяжело умирают, как и ведьмы из рассказов бабушки.

2. Для описания привычных действий ведьмы и магических практик используется новая лексика: *шаман, шаманить, закодировать, гипноз, ясновидящие*: «Каждая гадалка она же гипнозом обладает, она ж гада на кофеной гуще, це гущу дае пить и человека крутит <...> це дило страшное» [А. В. Гуцин 1955 г. р., украинец, местный, с. Ольшанка, 3.07.2014].

3. Магический дискурс рационализируется, и магические практики объясняются на (псевдо)научном языке: «Есть чувствительность у человека <...> мне уже 80-и год, и вот це поле чудес, и я усё отгадываю <...> Это как предчувствие, интуиция. Я чувствую и сама не знаю, чем я чувствую ... Может, и Бог потихоньку мне помогает» [М. В. Переходенко 1936 г. р., Еловатка, ок. 12 лет жила в с. Веселый Берег Волгоградской обл. (до 17 лет), доярка, 4 класса, украинка, 23.06.2015].

4. «Сила» и авторитет магического специалиста подкрепляются через СМИ: пока, в основном, печатные и телевизионные, хотя Интернет активно проникает в изучаемый район.

М. В. Строганов¹

*Институт славянской культуры,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина*

РУССКИЙ И БЕЛОРУССКИЙ ЖЕСТОКИЙ РОМАНС: СЮЖЕТИКА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Русский жестокий романс изучен достаточно хорошо (обзор литературы см.: [Петренко, Строганов, 2014, с. 7-26]). В Белоруссии только в 2010 г. появился термин *жестокий романс*, руководители фольклорной практики Белорусского университета рекомендовали его студентам для собирания [Пазаабрадавья песні, 2010] и опубликован сборник романсов [Жорсткі раманс, 2010]. Целый ряд популярных русских жестоких романсов не встречается в репертуаре белорусов, зато другие романсы, которые в России известны в единичных записях, в Белоруссии являются частотными. Для удовлетворительного объяснения этого явления требуется более длительное наблюдение над материалом.

Белорусское национальное сознание понимает себя как не-Россию, что отражено в ряде жестоких романсов («Поеду в Расію, там лучше знайду»). Но жестокий романс в том виде, как мы находим его в сборнике А.М. Кукрэш, является не собственно белорусской народной песней, а формой трасянки: «жорсткія рамансы функцыянуюць у жывой маўленчай практыцы пераважна на рускай мове або на „трасянцы“» [Пазаабрадавья песні, 2010, с. 76].

---

¹ Михаил Викторович Строганов – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и славянского искусствознания, Институт славянской культуры, РГУ им. А.Н. Косыгина (Москва)